

Обманщик, обманщица

Автор:

[Татьяна Тронина](#)

Обманщик, обманщица

Татьяна Михайловна Тронина

Нити любви

Виктор обожает свою жену и ради нее готов на все, ничего не требуя взамен. А Яна с детства любит Григория и смирилась с ролью любовницы женатого мужчины. И Яна, и Виктор готовы многое прощать, однако раз за разом близкие пренебрегают ими. Но вот, как гром среди ясного неба, свершается то, что терпеть уже невозможно, и жизнь надо кардинально менять.

Татьяна Тронина

Обманщик, обманщица

- Привет. Что, опять поссорились? – спросила сестра Оля, впуская Виктора в квартиру. Защелкала замками, запирая за его спиной дверь.

- Нет. Сбежал на время, пока теща в доме, – усмехнулся он, снимая пальто. Сунулся в шкаф, быстро исследовал его содержимое. – Оля, а где вешалка?

- Вешалка? – глубоко задумалась Оля.

Несколько секунд Виктор выжидал, затем вздохнул и повесил свое пальто (сделано в Италии, из кашемира, известный бренд, куплено в центральном универмаге, пусть и со скидкой, но все равно неоправданно дорогое) на боковой

крючок в шкафу. Лиза за то, что он воспользовался этим крючком, просто уничтожила бы мужа, если б увидела. Специально ему несколько раз напоминала, что вешать это пальто надо на «плечики», и только на «плечики», и ничего, кроме «плечиков», – иначе пальто потеряет форму. И это указание не потому, что Лиза являлась рачительной хозяйкой и стремилась продлить срок жизни вещей, совсем нет. Лиза требовала уважительного отношения к своим покупкам, к тому времени, что она потратила на хождение по магазинам и на выбор одежды мужу.

Виктор поймал себя на том, что подобные мелочи его, оказывается, жутко бесят. Когда сцепляются вот в такую липкую паутину собственных обещаний и чужих ожиданий... С одной стороны, надо уважать просьбы Лизы. С другой стороны, не обижать же из-за подобной ерунды родную сестру? Терзая ее нудными выговорами: «Оля, где все вешалки, я несколько раз их покупал специально и приносил тебе их охапками, куда они могли пропасть?»

Проще не обращать внимания.

Хотя как не обращать, если Лиза потом, дома, непременно заметит складки на пальто, растянутый воротник... Лиза часто перебирает содержимое гардеробной, непрерывно мониторит вид и состояние одежды и обуви – своей, мужа и Паолы... Поскольку для Лизы жизненно необходимо видеть мужа и дочь красивыми и опрятными, ну такая «фишка» у Лизы, что ж теперь... не самый страшный женский грех, а наоборот, очень даже милый и трогательный. И понятный, кстати.

Так что за это пристрастное отношение к вещам обижаться на жену нет смысла. Хотя, будь воля Виктора, он бы и минуты лишней на поход по пафосным универсам не стал бы тратить. Это же надо время выкроить, ехать куда-то, потом парковаться, потом бегать по этажам, терпеть приставания продавщиц... Гораздо проще выбрать себе все нужное на сайте интернет-магазина, с тем чтобы потом, в удобное время, заказ привез на дом курьер. То же самое пальто, что у Виктора, на сайте можно было заказать, и даже дешевле! Но спорить с женой Виктор не собирался. Ей нравится ходить по модным бутикам – так пусть. Виктора не устраивало только одно, то, что Лиза делала ему замечания по поводу купленной ею одежды – не так вешаешь, неправильно садишься в ней и не туда садишься еще.

Что касается Оли, то дело не в вешалках, конечно. Да плевать сто раз на эти вешалки. Дело в другом. В том, что каждый раз при встрече с Виктором дома Оля словно напоминала ему, что он здесь – гость, а не такой же полноправный хозяин, как и она, и его пожелания по поводу устройства быта тут не имеют никакой силы.

Хотя это была квартира, которая изначально принадлежала родителям, а потом, после их смерти, перешла к брату и сестре автоматически в равных долях по наследству.

Виктор с Лизой и Паолой давно жил в другой квартире, которую он приобрел сам, на свои кровные. У Оли брат появлялся не так часто и ненадолго. Но уже сколько лет как честный собственник он перечислял Оле свою половину квартплаты. Помогал сестре с покупкой бытовой техники и мебели. С ремонтом. Да вообще, будь его воля, он отказался бы от своей доли, когда вступал в наследство. Только вот тогда Лиза бы его не поняла. Лиза во всех вопросах, касавшихся имущества и недвижимости, была тоже очень щепетильна. Рассуждала следующим образом: что твое, то твое, разбрасываться своим – гневить мироздание, оно тогда еще что-нибудь отберет, раз не ценишь данные им блага. Да и вообще Лиза недолюбливала свою золовку, считала, что Оля на шею брату села.

Оля же наверняка обиделась бы на Виктора, если бы тот вздумал, например, делить семейное гнездо. Стоимость своей доли сестра не смогла бы выплатить просто потому, что у нее не имелось таких денег. У нее своего бизнеса нет, она живет на зарплату преподавательницы вуза, на «ставку», так сказать. У Оли нет ни мужа, ни детей, которые ее поддерживали бы. Да и возраст еще! Сестре почти пятьдесят, если точнее – сорок восемь, она на десять лет старше брата. А значит, у Оли меньше сил и возможностей.

Оля, в сущности, действительно во многом зависела от помощи брата. Нет, сестра не нищенствовала, она могла сама все тут устроить, и с ремонтом бы разобралась, и с покупкой мебели... Но тогда Оля не смогла бы ездить по туристическим путевкам за границу. Не посетила бы Париж, Вену, не побывала бы в Праге... И о визите в Венецию тоже не смогла бы мечтать.

А Оля обожала путешествовать по городам старой Европы, и Виктор давал ей такую возможность, пусть и косвенно.

Но Оля почему-то воспринимала это все как должное. Она даже как будто не понимала, что это все – благодаря брату.

А брату благодарность и не нужна была, по большому счету. Никаких «спасибо» не надо, ну просто ты вешалку никуда не прячь, Оль. И всё, и всё, и всё...

– Чаю хочешь? – спросила Оля, чуть наклонив голову и глядя на брата чуть исподлобья, добродушно и вместе с тем насмешливо. Привычка старшей сестры... Оля всегда была стройной, подтянутой, со спины ее до сих пор иногда принимали за студентку в коридорах ее альма-матер. Любительница классических джинсов и черных водолазок с высоким воротником. Волосы до плеч, тщательно выкрашенные в светло-русый и скрученные в кольца с помощью специальной долгоиграющей завивки. Оля никогда не красилась, пользовалась лишь бесцветной помадой. Да что там, даже если смотреть Оле в лицо, то не сразу и определишь ее возраст. Точно не девушка, но и не почтенная дама... Впрочем, таких неопределенного возраста женщин демократичного вида в последнее время появилось как-то уж очень много. Ни возраста, ни социального положения их и не определишь с ходу.

Приятель, Николай, как-то увидел фото Оли на экране Викторова телефона и спросил: «Это твоя сестра? Младшая сестра?» – «Старшая». – «Хорошенькая... Ангел. Может, познакомишь нас?» – «Спрошу. Но ты куришь, так что у тебя точно нет шансов...» Конечно, Оля потом отказалась знакомиться с курящим мужчиной.

И вот странное дело: отец-то их всю жизнь дымил, точно паровоз, но Оля как-то терпела и очень любила папу... Или ее терпению пришел конец – в том смысле, что она уже ни дня лишнего не смогла бы выносить возле себя сигаретный дым?.. Но Виктор почему-то был уверен, что Оля сама не понимает, чего она хочет, и теперь привязывается к каким-то мелочам, просто потому что вот принято же к чему-то привязываться. Она даже не задумывалась о том, что мужчина может оказаться альфонсом, бабником, грубияном, садистом, тайным извращенцем... Нет, это все несущественно, а вот курение – о, да, вот страшный грех. И в этих Олиных принципах заключалось что-то такое... тупое, упрямое, равнодушное, косное. Оля дожила почти до пятидесяти, так и не заведя ни с кем серьезных отношений. Вечная девочка. Тургеневская барышня, милая и очень далекая от жизни. Еще сколько-то лет – и Оля из «тургеневской» девушки автоматически перейдет в разряд бабушек – «божьих одуванчиков». Лиза утверждала, что Оля и вовсе оставалась девственницей в свои года.

– Чаю? – переспросил Олю Виктор. – Не откажусь. Да, вот – печенье, нарезки привез... – он протянул ей бумажный пакет с гостинцами.

– Какой ты молодец, Витечка, – похвалила Оля, и в этих словах, в ее тоне, тоже отголоски того, что она – старшая.

У Оли, кстати, был низкий, грудной голос, очень четкий и разборчивый (сказывалась привычка сестры к долгим лекциям), но в то же время какой-то дребезжащий, почти старческий. По телефону Олю всегда принимали за почтенную даму, так что «звук» и «изображение» в Олином случае определенно диссонировали.

– Ну, идем на кухню. Тебя что, дома совсем не кормят? – засмеялась-задрезжала сестра.

– Совсем, – спокойно ответил Виктор.

На кухне Оля включила электрический чайник, поставила перед Виктором красивую, оставшуюся еще от бабушки большую тарелку – темно-синюю, с позолоченным краем. Виктор аккуратно разложил на ней нарезки.

– О, вскипел. Черный, зеленый? Ах, у меня же только зеленый, чего я спрашиваю. Ну, как ты живешь, братик? – вздохнула Оля, разливая по чашкам кипяток.

– Хорошо.

– Хорошо, что хорошо, – печально произнесла сестра. Бледно-розовыми, тонкими, без всякого намека на маникюр пальцами сестра подцепила прозрачный кружочек ветчины с тарелки и принялась его жевать.

«Нет, она постарела все-таки, – подумал Виктор, разглядывая сестру. – На первый взгляд еще молодая женщина, но это только на первый, самый беглый взгляд. А потом виден возраст... И ест как старушка, какие-то шамкающие движения, подбородок дрожит, отвисает... А на фотографиях – да, иногда очень удачно получается. Будто лет на десять-пятнадцать моложе своего возраста. Жаль, что она отказалась знакомиться с Николаем. Хороший мужик. Ее последний шанс, возможно».

- Что ты так смотришь на меня, Витечка?

- Да вот думаю, что я совсем тебя не знаю.

- А что обо мне надо знать? – пожала плечами Оля. – Я вот она, вся на виду. Во мне никакого подтекста нет.

- Ты уверена? Вдруг ты сама про себя ничего не знаешь?

- Ага, это я не в себе, значит, была, когда четыре часа отчет писала вчера... Сегодня приношу, а мне говорят – надо переделывать. Бюрократия... ты как, с ночевкой?

- Нет. Посижу часиков до девяти, потом поеду. Думаю, к тому времени теща уйдет.

- У вас с ней до сих пор конфронтация? – спросила Оля и тут же продолжила, не дожидаясь ответа брата, недовольным дребезжащим голосом: – Ты сам виноват, Витя. Надо было с самого начала себя правильно ставить, а не прогибаться.

- Ревнуешь, ох, до сих пор ревнуешь...

- Не говори чепухи, – нахмурилась Оля. – Ты себе такую жизнь придумал. Вернее, сам все испортил.

- Я получил то, что хотел.

- Ты ничего не получил, ты потерял... – недовольно возвысила голос сестра, но тут же осеклась. – Ладно, не будем.

- Не будем, – кивнул примиряюще Виктор.

- Пойду я к себе. Отчет писать... Ну а ты тут как хочешь.

Сестра ушла к себе в комнату, а Виктор – в свою.

Это с детства была его комната. Балкон, с которого вечно дуло... Оля в этой комнате не могла находиться, постоянно чихала от сквозняков. Позже Виктор поменял тут окно и балконную дверь – помогло мало, потом еще раз поменял, плюс еще рабочие что-то там сделали со стеной и батареей – только тогда перестало дуть.

Виктор, не раздеваясь, лег на диван, закрыл глаза. Почему-то его не покидало раздражение – пусть и небольшое, но неприятное, напоминающее тот самый холодный сквозняк из детства, с которым ничего нельзя было поделать. И ужасно хотелось разобраться во всем, чтобы заткнуть наконец эти щели в душе.

Теща.

Теща Виктора, Лидия Алексеевна, была не так уж и плоха, особенно если учесть то, что она жила отдельно и никогда особо не вмешивалась в жизнь Лизы и Виктора. То есть как не вмешивалась, вмешивалась, конечно, но открыто и напрямую. Не действовала исподтишка. Что в голове, то и на языке. Никаких ножей в спину, но в лицо – всегда куча глупостей и гадостей. Виктор старался списать их на возраст тещи – как-никак семьдесят лет даме.

Она приходила в их с Лизой дом нечасто, обычно это Лиза с Паолой ездили к бабушке. Лидия Алексеевна являлась к Виктору редко, но метко. И в эти редкие визиты она обычно «продавливала» своего зятя. На что хотела продавить в этот раз, и гадать не надо – Паола заканчивала школу, и надо было решать, куда девочка будет поступать. Лиза с Лидией Алексеевной уже вынесли вердикт, куда надо определить Паолу – в очень известный, очень модный московский вуз с либеральным уклоном. И непременно на социолога, политолога либо журналиста... К чему, кстати, у Паолы не наблюдалось никакой склонности. Но вот надо матери и бабушке пристроить именно в этот вуз ребенка, и все тут.

При чем тут Виктор, какое он имеет отношение к поступлению Паолы? Да самое прямое, как спонсор. Ведь именно Виктору вменялось в обязанность платить за обучение. Надежды, что Паола сможет сама поступить на бюджет, не было никакой. Виктор платить не отказывался, но когда вот так – дай денег и молчи, никому твои советы и рассуждения по поводу образования не нужны... ну, как-то это не очень.

Поэтому Виктор смылся из дома за полчаса до визита Лидии Алексеевны и отправился в свой родной дом. По дороге купил еды, так как знал, что у Оли, как всегда, хоть шаром покати, поскольку сестра питалась фруктами, уже помытой травой из пакетиков или йогуртами из стаканчиков. Оля не готовила принципиально и, наверное, даже не знала, как это делается. И это, кстати, тоже к вопросу брака и отношений: Оля ждала от мужчин отказа от курения, но даже не задумывалась о том, что ее кандидатура подойдет тоже не всем женихам. Мало кто из мужчин готов связывать свою жизнь с женщиной, которая отказывалась от готовки.

Нет, в отказе от готовки ничего плохого нет, женщина имеет полное право жить так, как она хочет, тут проблема в другом: просто этими требованиями она уменьшает возможность выбора...

Оле почти пятьдесят, и она не просто не умеет общаться с противоположным полом, но еще и не горит страстями, всегда холодна и спокойна, точно вода, готовить не любит... Но вот нет, курящего мужчину ей не надо!

Виктор заскрипел зубами, повернулся на бок. «Я, верно, злюсь на Олю, потому что на Лизу злиться не могу. Некий перенос! Ведь из Лизы тоже никакая кулинарка... Да и я, старорежимный дурак, живу прежними понятиями. Сейчас мало кто из женщин готов упахиваться на кухне, и это нормально. Сейчас время такое, когда равноправие и равенство. Раз еда нужна только мне – значит, я и должен думать о том, где ее достать. В конце концов, я могу записаться на курсы кулинарии... Где меня всему научат. Пожалуй, так и сделаю – в ближайшее время затишье с работой, как раз можно воспользоваться этим».

На душе у Виктора сразу потеплело, когда он подумал о Лизе, своей жене. Для нее он был готов на все. И ничего ради нее не жалко. И без домашних разносолов можно обойтись, и подростково-юношеские капризы Паолы вытерпеть, и визиты Лидии Алексеевны – бабы-яги со склочным характером.

И о сестре не надо думать лишнего, Оля – взрослая, самостоятельная женщина. Ну не хочет она замуж, и пусть. Ее дело. В сущности, ведь это из эгоистических, корыстных соображений Виктор пытается ее куда-то пристроить, познакомить с кем-то, свести со старым проверенным приятелем... Чтобы об Оле было кому позаботиться. Она ведь на десять лет старше. Еще пока девочкой-припевочкой на вид, еще бодрячком, но... Пусть лучше будет еще кто-то, кто позаботится о ней.

Нет-нет, Оля не иждивенка и не бытовой инвалид, но... Но. Но. Но.

Кто его знает, как там с его, Викторовым, бизнесом дальше. Мир сотрясают кризисы, мир вообще меняется. Законы все строже, а налоги и требования к предпринимателям все выше. Ну как Виктор потеряет все и не сможет помогать сестре? А Оля – она же привыкла к путешествиям по Старой Европе, ей будет грустно без готических соборов, без костелов и замков, без аромата трав Прованса и каменюк Черногории...

Виктор закрыл глаза и, кажется, задремал.

В своей дреме он вдруг услышал чудесную музыку, которая лилась хоть и приглушенно, очень сдержанно, но вполне отчетливо. Источник музыки находился где-то рядом.

За соседней стеной. В соседней квартире, кажется.

* * *

Оля очень любила брата. Она с детства привыкла о нем заботиться, с тех самых пор, как мама вернулась из роддома с маленьким свертком, в котором лежал толстощекий спокойный малыш. Малыш дружелюбно и радостно смотрел на мир ярко-синими глазами. Оля тогда училась то ли в третьем, то ли в четвертом классе, и она восприняла братика как новую игрушку.

Тем более что Виктор отличался исключительно примерным поведением. Не орал, не ныл, не канючил – почти никогда. Был послушным и непривередливым. Ел с аппетитом все, что ему давали.

Кстати, родители всегда переживали из-за Олиного аппетита. Она ела мало и очень выборочно. Обычное дело – сидит тощая, мосластая девочка за столом и с неизбывной тоской и отвращением рассматривает содержимое своей тарелки. Из еды Оля предпочитала только бананы и молочный коктейль. Ну, иногда еще соглашалась на тончайшие, прозрачные ломтики сырокопченой колбасы. Всё. Нет, даже не так – ВСЁ.

Родители плакали от отчаяния, водили дочь по гастроэнтерологам. Часть врачей не находила у Оли никаких патологий, другие пугали всевозможными болезнями.

Но как-то выжила, и ничего. С возрастом линейка любимых продуктов у Оли немного расширилась, но совсем немного. И к тому же оказалось, что подобная привередливость в пище девушке только на руку.

Брат же, Витечка, молотил все подряд, что не приколочено. Ел свое, затем просил добавку, потом без тени брезгливости доедал все то, что оставалось в Олиной тарелке. «Помогал» сестре. Были бы в доме собака или кошка – братик бы и у них еду отобрал.

Оля – светловолосая, тоненькая, очень высокая, с прозрачными, чуть оттопыренными розовыми ушками, длинными тонкими пальцами... Словом, видом настоящий эльф. Мастью скорее в мать. Витечка – в отца. Роста среднего, плотный, кряжистый, со щеками, пухлым пузиком, мощными икрами, пальцами-сардельками, черноволосый – то ли гном, то ли гоблин, если уж оперировать терминами из фэнтези.

Оля – гуманитарий. Русский язык и литература. Чтение книг запоем. Витя – точные науки. Математика и физика.

Оля была прелестной умненькой и разумненькой девочкой, вернее, уже девушкой в те времена, когда брат подрос и, что называется, «определился». Виктор был гением. Ну ладно, не совсем гением, но вундеркиндом, это точно, которому светило блистательное будущее. Потенциальный Резерфорд или Капица. Вполне вероятный претендент на Нобелевскую премию!

Оля уже работала в своем институте – преподавала русский язык, и тут брата забрали в армию. По-глупому, случайно. Нечестно даже. Словно в ловушку загнали. Родители тогда чуть с ума не сошли, и все учителя тоже на дыбы поднялись – ну какая служба, это же не юноша, а самородок. Но «самородок» неожиданно освоился со службой, его там за руль посадили, и он вполне успешно водил какие-то большие машины. Ему даже понравилось. И его, такого умника, в армии оценили, оказывается.

После окончания службы брат подал документы в один из ведущих физико-математических вузов. Брат не отупел, не разленился, не растерял знаний во время службы, наоборот, его ум словно кристаллизовался, стал яснее. Самый блистательный из всех абитуриентов. Приняли. Одни «отлично» во время учебы. Профессура и однокурсники обожали. Обещание грантов и стажировок в каких-то дивных местах. Все чаще звучали эти слова – «молодой гений», «будущее нашей науки», ну и все такое прочее...

Никто уже не сомневался в том, что рано или поздно Виктор дорвется до этой самой Нобелевки.

Но... Но. Дальше что-то сломалось. Виктор встретил Лизу. Молодую женщину, которая к тому же была на десять лет его старше (ровесница Оли, то есть). С ребенком. С девочкой по имени Паола, ей три года тогда было.

И всё. ВСЁ, тоже буквально. Виктор бросил свой замечательный вуз, всего года два, что ли, не доучившись. Виктор должен был «кормить семью». Какие гранты, какие премии – их еще дождаться надо, а «живые» рубли понадобились здесь и сейчас.

Виктор стал водить большегрузы на расстояния, куда-то на север. Он сделался дальнбойщиком, ох, бедные папа и мама...

Это был какой-то кошмар и наваждение. Вот как так? Только что ходил рядом нормальный, адекватный молодой человек и вмиг сделался безумцем. Полностью потерял голову из-за любви.

А денег новой семье требовалось много. Во-первых, приходилось платить за съем квартиры, в которой поселились Виктор, Лиза и Паола. Ну не с тещей же жить и не с родителями и сестрой! Потом надо было платить за сад Паолы, какой-то особенный, потому что обычный государственный садик Лизе не нравился. Кстати, Лиза не работала, потому что была слишком слабенькая и нежная, а люди вокруг – злые и завистливые. Короче, Виктор стал жить не для себя, а исключительно для Лизы.

Поначалу все окружение Виктора, включая, разумеется, и родителей, пытались его образумить. Уговаривали доучиться в вузе. Сделать карьеру. Стать светилом.

Надеялись, что Виктор покуролесит еще немного, а затем вернется на круги своя. Невозможно же вот так, легко и просто, распрощаться со всеми надеждами, мечтами... Да он бы, может, те же деньги стал получать, если б не оставил учебу. Не сразу, конечно, а года через три, четыре... пять или десять. В конце концов, Лиза же могла пойти работать! Пока муж учится.

Папа с мамой как-то отправились к Лизе с визитом, чуть не на коленях просили ее – пусть Витечка доучится... Дай ему шанс, а он тебе потом сторицей отплатит, он же такой добрый и самоотверженный мальчик!

Но Лиза – женщина умная и хитрая. Она не стала скандалить с родителями своего мужа, она не стала им говорить «нет». Она просто заплакала. Она всегда, во всех сложных ситуациях тихо плакала. И это действовало на брата безотказно, потому что он не мог видеть ее слез, ее бледного, запрокинутого личика, сцепленных тонких пальчиков, дрожащих губ...

И вроде взрослая женщина она, эта Лиза. Помнится, Виктору двадцать четыре, двадцать три тогда было, когда они встретились, а Лизе тридцать три, что ли?.. То есть женщина на четвертом десятке, мать уже... А все как бедное дитя себя ведет. Наверное, это сильнее всего на Витечку подействовало, эта ее беспомощность. Выученная беспомощность, как сейчас говорят. Сознательная. Осознанная. А брат суперответственный, ему все на «отлично» надо сделать. А «отлично» в его ситуации – это когда он может быстро и много заработать. Вот он и старался...

Конечно, нельзя отвергать и тот факт, что Лиза – очень красивая женщина. Причем у нее какая-то особая, немного сказочная красота... Вот такими рисуют романтических героинь в мультфильмах – с огромными глазами, трогательным ротиком, узкой талией и пышным бюстом. А, и еще грива роскошных светлых волос до пояса. Лиза не могла спокойно пройти по улице – к ней обязательно кто-нибудь да привязывался, а в юности – даже страшно представить, что было. Ее все сравнивали с актрисой Брижит Бардо в молодости.

Бэби-фейс – вот как назывался этот типаж. Детское личико, вечное детское личико... Смесь невинности и дикой эротики – так после встречи с Лизой с безнадежной тоской произнес папа. С безнадежной – потому что папа (ну, да и все они в их семье) прекрасно понимал, что добровольно Виктор эту женщину-дитя не оставит.

Тут еще вот какой нюанс: Виктор-то красавцем не являлся. Уродом – тоже, но брат, надо честно признать, обычный мужчина. Коренастый, толстенный. Этаким медведь. Думается, в молодости Лиза на такого, как Виктор, и внимания не обратила бы. Но в момент встречи с Виктором ей было уже изрядно за тридцать, у нее – ребенок на руках. И она как-то смогла сообразить, что на одном бэби-фейсе уже не выедешь. Хороших мужчин, готовых позаботиться о ней, очень мало.

И Лиза руками и ногами вцепилась в брата. А он, в свою очередь, не мог на нее надышаться – ну как же, такая нежная красотка ему досталась, ах, какая чудесная доченька у нее... Виктор был готов удочерить официально Паолу, но официальный отец девочки не собирался отказываться от своих прав. Алименты платил копеечные, а вот отказаться – ни-ни. Потом вроде умер тот, что ли?

В какой-то момент этих всех споров, ссор, выяснения отношений, сплетен, истерик стало вдруг ясно, что просто так Виктора с Лизой не разлучить. И что Виктор уже вряд ли закончит вуз и карьера великого ученого ему точно не светит.

Тогда случилось вот что: папа и мама отказались от Виктора. Они сказали ему, что больше не считают его своим сыном. И у них есть только один ребенок – это она, Оля.

Очень тяжелое решение. Мучительный разрыв, который, тем не менее, не заставил Виктора передумать и поменять свою судьбу. Он так и остался с Лизой и Паолой, а с родителями больше не виделся. Оля, конечно, пыталась помирить родителей с братом, только у нее ничего не получилось. Но она не стала отвергать Витечку в угоду папе и маме – она общалась с братом тайно, чтобы не будоражить лишней раз родителей.

Какое-то время Виктор вкалывал дальнобойщиком. Затем купил свою первую большегрузную машину и начал работать, что называется, на себя. В первый раз прогорел. Потом снова начал дело, уже научившись на своих ошибках. Приобрел несколько большегрузов, нанял водителей, что-то там еще интересное придумал... В этот раз у Виктора получилось – потихоньку он отбил вложенные деньги, затем вышел в плюс, а затем и вовсе стал получать неплохую прибыль и далее еще расширил свой автопарк. Дела у него пошли настолько хорошо, что он купил большую четырехкомнатную квартиру в центре города, поселился в ней с Лизой и Паолой.

То, что сын стал успешным бизнесменом, нисколько не утешило родителей. Они так и не захотели общаться с Виктором. Много переживали, тем самым подтачивали свое здоровье. Умерли быстро, внезапно, один за другим, даже не успев переписать квартиру на Олю. Да она сама об этом как-то мало думала, о квартирном вопросе... В тот момент не до того было.

С родителями Виктору не удалось попрощаться, не получилось. Только на кладбище он и смог попасть. Молча плакал на похоронах.

Оля не знала, что ей теперь делать, как реагировать. С одной стороны, это упрямство Виктора довело родителей до смерти. С другой стороны, родители не могли заставить сына поступать по их воле. Он взрослый, дееспособный мужчина, не хочет бросать грузоперевозки – имеет право...

Пожалуй, во всей этой ситуации Оля считала виноватой Лизу. Это она столкнула лбами родителей и сына. Захотела бы – вернула бы Виктора в прежнюю колею, могла бы сама выйти на работу, чтобы поддержать его. Часто же случается, когда в семьях муж с женой по очереди учатся и работают, позволяя друг другу сделать карьеру. Тут же этого не произошло: Лиза не захотела ничего менять. И уже сейчас можно сказать, что, скорее всего, таких денег Виктор точно не заработал бы, занимаясь наукой.

Оля никогда и ни с кем не ссорилась, особенно открыто, ей были неприятны вот эти все яростные словесные перепалки, оскорбления, обвинения взаимные... Она предпочитала молча удалиться от источника конфликта. Просить и требовать она тоже не умела...

Вот взять ее работу в институте, в котором Оля преподавала русский язык. Вроде хороший вуз, не такой модный, как тот, куда семья брата (по его рассказам) намеревалась определить Паолу, но все-таки...

Так вот, работа в этом, Олином, вузе состояла словно из нескольких частей. Одна часть – это преподавание. Студенты – милые молодые лица. Умные, глупые, ленивые, трудяги, смешные, задиристые порой – эти юноши и девушки вились вокруг Оли, но от них от всех словно свет шел. Общение с молодежью доставляло радость и удовольствие, хотя и не без казусов, конечно...

А вот работа на кафедре, все эти отчеты, учебные поручения, индивидуальные планы (которые, как подозревала Оля, даже никто не читал), огромная гора всяких нормативных документов – вот это все являлось тяжким бременем. Бесконечные проверки, аккредитации, сертификации, лицензирование... Хотя и эту часть преподавательской жизни худо-бедно, но можно было вытерпеть.

Самым же реальным кошмаром была атмосфера на кафедре. Интриги, склоки, борьба преподавателей за ставки, сплетни, образование различных группировок, затем их распад и образование новых... Эта часть ее работы Оле решительно не нравилась.

Она еще по наивности своей не сразу догадалась, что именно является причиной всех этих процессов. Позволяла себе часто вовлекаться в чужие интриги. И лишь спустя годы догадалась, что, если на заседании ученого совета кто-то из преподавателей толкал патетическую речь о том, что какой-либо предмет нельзя убрать из учебного плана, потому что без этого предмета студенты не освоят программу, то это значило только одно. Что выступающий боится потерять свою ставку. Причиной многих конфликтов были деньги. Борьба за ставки. За уменьшение нагрузки. Всякие разговоры про преемственность поколений, необходимость традиций и связь с прежней школой – это про страх показаться ненужным и устаревшим. И опять боязнь потерять при этом деньги...

Ну, и все такое прочее. Кроме того, многие из коллег откровенно завидовали Оле – она, по их мнению, слишком часто путешествовала. Кто-то прознал о том, что у Оли богатый брат-бизнесмен, ну и пошло-поехало... Из серии «Тебе о деньгах думать не надо, Оля, ты нашу жизнь не понимаешь, ты чужая».

До смешного дошло – из гардеробной таскали вешалки. Оле то и дело приходилось приносить из дома свои, чтобы было на что повесить пальто, иначе никак, только на стул его бросить.

Впрочем, на этой стороне своей преподавательской жизни Оля старалась не заикливаться и больше посвящала себя работе со студентами.

Возвращаясь к наследству, то есть к квартирному вопросу. Опять же, и к Олиной нерешительности... Родители собирались все завещать Оле. Не успели. Завещания не написали, и пришлось вступать в наследство вдвоем с братом. Был момент, когда Оля собиралась попросить Витечку отказаться от своей доли

в квартире. И она даже намекнула ему об этом в туманных, расплывчатых выражениях...

Намекнула не потому, что считала – богатый брат с собственным жильем может и обойтись без родительского наследства. Нет. Дело в другом. В другой. В Лизе. Ведь случись что с Витечкой, Лиза от того наследства, что останется после него, точно не откажется от части доли в родительской квартире Оли и ее брата, и тогда жизнь Оли значительно осложнится, если ей придется бороться со своей снохой (если, не дай бог, с братом что приключится). А Лиза из тех, кто своего не упустит. Никогда.

И мыкаться Оле на склоне жизни, пытаюсь то ли разменять родительскую квартиру, то ли влезать в долги... Чтобы рассчитаться с Лизой. Словом, ничего хорошего.

Когда-то, в детстве, Олиным любимым фильмом был «Вам и не снилось». Самоотверженный Ромка, невзрачнейшая Катя. Хотя героиня фильма, Катя, Оле не нравилась, да и всем остальным ее подругам тоже. Ну, во-первых, действительно, уж больно невзрачная, даже страшнейшая, мягко говоря, та героиня – совсем не пара красавцу Ромке. Во-вторых, как-то это чувствовалось, что актриса, игравшая Катю, сильно старше своего парня и одноклассников. Это как-то ловилось всеми на интуитивном уровне. И Катя еще «прилипала», что называется. Эгоистка. Безразличная к проблемам в Роминой семье (пусть и выдуманной, но какая разница, девочке же было плевать и на маму Ромы, и на бабушку). Кате было даже наплевать на Ромино увлечение математикой. Она хотела, чтобы Рома находился рядом с ней, а не где-то там. Самой ей тоже было наплевать на свою судьбу... Только любовь, только она и он. «Зачем тебе эта дурацкая математика?» – не понимала Катя Ромку.

Спустя годы Оля вдруг открыла, что тот прелестный фильм из детства получил продолжение в виде истории ее брата. Также слишком гиперответственного юноши, готового на все ради своей любимой. Даже способного пожертвовать собой.

...В комнату постучались.

– Да-да! – отозвалась Оля, оторвавшись от экрана компьютера. Она переписывала отчет.

Дверь открылась. На пороге стоял брат – сонный, смешной, со встрепанными волосами, румяными щеками. Оля только сейчас вдруг смогла рассмотреть его как следует. И поразилась.

– Витечка, да ты похудел... ой-ой-ой, очень похудел! – жалостно ахнула она. – И оброс сильно. Тебе... тебе надо срочно подстричься!

Виктор лениво махнул рукой:

– Оль... я поехал, короче. Девять уже. Закрой за мной, пожалуйста. Да, и кто там играет? На пианино, что ли...

– А, так это Яна, соседка. Милая девочка. Дает уроки музыки у себя дома. Но я не против – это не хип-хоп какой-то. И вообще, уж лучше музыку за стеной слышать, чем чьи-то скандалы.

* * *

Яна закончила урок. Ее ученица – дама, что называется, предпенсионного возраста – буквально светилась от счастья. Только что она успешно разучила мелодию к старой советской песне «Лесной олень».

Дело в том, что Яна не учила игре как таковой, на клавишном инструменте, она учила исполнять определенные мелодии. Те, которые выбирали ее ученики, в основном люди уже в возрасте. Захотелось кому-то выучить начало «Лунной сонаты», не получив музыкального образования, не посещая в свое время несколько лет ДМШ (детскую музыкальную школу), – да пожалуйста. Приспичило «сбацать» что-то из шедевров «Битлз», не зубря гаммы, – да сколько угодно.

Яна официально работала, что называется, на себя. Давала у себя дома уроки игры на клавишных для взрослых и еще иногда выступала с группой знакомых музыкантов – на концертах в основном и еще в пивных барах. Там она, правда, играла на волынке. Бывало, что Яну приглашали выступить на каких-нибудь городских, уличных концертах или она участвовала со своей волынкой в столь модных нынче «реконструкциях».

Когда-то Яне прочили карьеру концертирующей пианистки, но она сознательно отказалась от этого. Денег мало – раз, гастроли по разным городам и весям, в любую погоду и любой сезон то еще «удовольствие» – это два. Ну и, в-третьих, Яна не хотела надолго расставаться с Григорием. Кстати, и он со скепсисом относился к гастролям...

– Всегда мечтала пригласить гостей, провести с ними чудесный вечер, а потом сесть за рояль и спеть вместе с друзьями свою любимую песню детства, – одеваясь перед зеркалом в прихожей, кокетливо призналась Яне ученица, главный бухгалтер в какой-то фирме. – Нет, не целый вечер на пианино играть, этак и утомиться можно, да и гости замучаются слушать... И караоке, кстати, тут тоже ни при чем. Моя мечта – совсем не про караоке. У нас на даче рояль, белый. Такой красивый-красивый и совершенно бесполезный. Чисто для интерьера: сосед свой дом продавал, а рояль куда девать? Ну мы и взяли, тем более бесплатно нам его отдали... Я, помню, все глядела на этот и рояль и думала: вот как бы научиться на нем играть? Жалела, что в музыкальную школу меня мама в детстве не отдала...

Яна слушала и вежливо улыбалась.

– ...но, с другой стороны, у меня три подруги в детстве в музыкалке учились. И толку? Вспоминают те годы точно страшный сон. Сольфеджио! Гаммы! Домашка еще. Какие-то муздиктанты. Три-четыре раза в неделю бегать на занятия, потом экзамены. Выступления, когда дрожь в коленках и все внутри трясется... Никто из моих подруг не пошел по музыкальной стезе. Одной до сих пор, говорит, кошмары про музыкальную школу снятся.

– Бывает такое, – спокойно согласилась Яна. – У детей и до суицида порой доходит, если родители силой заставляют ребенка учиться на инструменте.

– Ужас! – эмоционально закатила глаза ученица. – Но я смотрела на свой рояль и жалела о несбывшемся. Думала, что вот никогда мне не сесть за этот инструмент, не сыграть на нем. Это ж годы обучения – лет семь или даже восемь, это ж сколько труда, слез, бесконечных репетиций. А тут мне про вас, Яночка, рассказали, и я прямо поразились. Ничего себе, думаю, всего за несколько занятий можно разучить любую мелодию, «с рук» буквально?

– То, чем я занимаюсь, называется клиентоориентированная система обучения, – сказала Яна. – То есть клиент всегда прав. Никто из проходящих ко мне в профессионалы идти не собирается, поэтому в таком обучении главное не знания, а удовольствие от процесса и радость от результата.

– Да-да, радость! – подхватила ученица. – Действительно, я ж не собираюсь концерты в консерватории устраивать и деньги за вход собирать, мне бы одну мелодию разучить для дома, для гостей... И я сделала это! Спасибо, Яночка. Я еще, может быть, чуть погодя снова к вам на занятия запишусь. Еще какую-нибудь мелодию разучу!

Рассыпаясь в похвалах, ученица распрощалась с Яной.

Яна закрыла за ней дверь, вернулась в комнату. Подошла к балкону. За стеклом, в темноте, светились окна домов, красные и белые реки огней – это улица вся была забита стоящими автомобилями.

«Пробка, – подумала Яна. – Наверное, Гриша не приедет сегодня. Или он уже приехал и пытается припарковаться во дворе, а свободных мест нет?..»

Яна открыла дверь, вышла на балкон и сразу же пожалела о том, что сделала это – налетел ветер, ледяной. Сейчас, в середине марта, вечером, было так же холодно, как и зимой. Обхватив себя руками за плечи, Яна, тем не менее, подошла к перилам и посмотрела вниз. Двор скрывался в полутьме, никакого движения там, на площадке, где обычно оставляли свои машины водители.

Краем глаза Яна заметила, что в соседней комнате – той, что через стену, – горит свет. Две квартиры соединял один балкон. Посредине металлическая решетка, вернее, дверца, которая была заперта на обычную проволоку. Чтобы перейти с балкона на балкон, достаточно раскрутить проволоку – и вот человек уже на чужой половине.

Но такого, конечно, никогда не случалось. В соседней квартире жила очень милая и интеллигентная дама: Яна довольно часто сталкивалась с ней во дворе и изредка на том же самом балконе. Яна как-то спросила соседку, не мешают ли звуки музыки? Конечно, в той комнате, где Яна преподавала, была в свое время сделана очень хорошая звукоизоляция, но кто знает, как там, со стороны, может быть, все равно слышно...

Дама (ее звали Ольгой) заверила Яну, что звуки музыки почти не слышны и к тому же по ночам ведь соседка не играет, только в установленное законом время? Ну и славно. Кроме того, Ольга сообщила, что почти не бывает в той комнате, что за Яниной стеной, – лишь изредка подметает там да на балконе. Потому что эта комната принадлежит ее брату, а брат здесь бывает очень редко, поскольку живет в другом месте со своей семьей. Так что никаких проблем, Яна, музицируйте на здоровье...

То, что балконная дверь была замотана лишь на проволоку, не беспокоило ни Яну, ни Ольгу. Свои же люди, проверенные соседи. Сколько Яна тут живет, лет десять последних... Уже поняла, кто есть кто. К тому же так безопаснее – в случае, например, пожара всегда есть возможность эвакуироваться через соседскую квартиру.

Самого соседа, то есть брата Ольги, Яна никогда не видела. Или видела, но не запомнила? Вроде да, мелькал как-то мужской силуэт на той половине балкона.

Может быть, этот загадочный брат сейчас там, за стеной? Яне почему-то не захотелось с ним встречаться. Она передернула от холода плечами и быстро вернулась назад в комнату.

Было уже около девяти вечера.

«Наверное, Гриша не придет», – окончательно решила Яна. Она могла, конечно, написать ему сообщение и спросить, ждать ли ей его сегодня или нет. Не напрямую, конечно, спросить, а написать какую-нибудь затейливую фразу типа «вывесили ли сегодня новое расписание?».

Жена Григория (ее звали Машей) не контролировала его. В том смысле, что не проверяла телефон мужа. Но мало ли что... Иногда можно схватить по ошибке чужой телефон, а на экране высветится что-нибудь такое, предательское, из серии «когда тебя ждать, милый?». Так что если Маша случайно и заметит чужое сообщение в телефоне мужа, то это самое «расписание» не нарушит ее покоя.

Яна была прекрасно осведомлена о том, что ее связь с женатым мужчиной – совершенно недопустимое явление в наше время. Со всех точек зрения – морали, нравственности, психологии, религии и т. д. и т. п. Любовниц в наше время

презирают точно так же, как и сто лет назад, и двести, и пятьсот... Сейчас презирают в первую очередь потому, что это неуважительно по отношению к себе самой. Самодостаточная современная женщина не должна быть игрушкой в мужских руках. Сознательная женщина не имеет права причинять страдания другим женщинам (женам). Из женской солидарности и еще потому, что может прилететь так называемый бумеранг и с любовницей непременно случится какое-нибудь несчастье (бумеранг – аналог понятия «кара» нынче). Да и вообще, лучше быть одной, чем довольствоваться крохами с чужого семейного стола.

Быть любовницей сегодня – это быть жалкой. Ничтожной. Никчемной, нереализованной особой... Глупой, в конце концов.

Яна прекрасно об этом знала. И вполне отдавала себе отчет, что находится сейчас не в самой лучшей позиции.

Она и рада была оставить Гришу, но как это сделать?

Как оставить человека, которого любишь столько, сколько себя помнишь, по сути?.. Они учились в одной школе, в одном классе. Сидели за одной партой. Их в старших классах называли всерьез женихом и невестой.

Яна даже не могла сказать точно, когда именно, в каком классе она осознала свою любовь к Григорию. Сначала друзья, потом подростки, которые боялись своих чувств, затем юность, когда уже все всерьез, и на грани...

Родители Яны без особого энтузиазма относились к школьному роману дочери. Они не ругали ее, но и не поощряли, они старались загрузить ее по максимуму – уроками в школе и в «музыкалке», не без основания считая, что занятому человеку не до глупостей.

Мама же Гриши, психолог по образованию, действовала по-научному. Она ничего не запрещала сыну, но зато постоянно убеждала его, что Яна – не пара ему по многим психологическим показателям. Что юношеские романы в принципе – это несерьезно. И ненадолго. А история о Ромео и Джульетте популярна до сих пор только потому, что герои в ней умерли молодыми, в самый разгар своей страсти. Пожили бы они вместе – даже не десяток лет, года-другого бывает порой достаточно, – и ни следа от их романтизма не осталось бы.

Словом, к отношениям Гриши и Яны их родители относились весьма скептически. Ну а с другой стороны (и Яна это прекрасно понимала), что им еще оставалось делать? Носить рано повзрослевших отпрысков на ручках, радостно позволить им ранний брак, платить – в буквальном и переносном смысле – за юную чету по всем их счетам?

Это была обычная жизнь обычных нормальных, незлых, немного усталых и немного нервных, тревожных взрослых. И их обычных детей, с их обычной, юношеской влюбленностью...

Дети выросли, окончили школу, дальше пути Григория и Яны разошлись по разным вузам и разным компаниям, но молодые люди продолжали встречаться. Их любовь не затихла, не исчезла, а скорее перешла в новый формат. В режим ожидания, что ли. Когда обоим приходилось ждать редких свиданий и чаще переписываться, чем созваниваться.

И вот именно в этот период, в первый год после окончания школы, произошла и первая ссора Яны и Гриши. Когда возлюбленный заявил, что вынужден жениться, поскольку его однокурсница Маша ждет от него ребенка. И да, он, Гриша, все равно любит только Яну. Ну вот так вышло. Глупая ошибка. Нечаянная измена и ее последствия, которые он, как честный человек, обязан исправить.

Яна была не просто сражена, она была убита. Ей даже в голову до того не могло прийти, что ее возлюбленный способен посмотреть на какую-то постороннюю девушку. Целовать кого-то там... Вступить в близкие отношения! И, содрогаясь от наслаждения, извергнуть свое семя в чужое лоно. И это при том, что в отношениях Яна и Григорий предохранялись всеми возможными способами. Это что же получается, Гриша настолько с той Машей голову потерял, что даже забыл о контрацепции?!

Яна немедленно порвала отношения с Григорием. Чужие теперь. Где-то полгода или больше они не виделись. Хотя Яна вспоминала своего возлюбленного каждый день, все другие юноши были ей абсолютно безразличны.

Но вот однажды Григорий встретил Яну. Грустный, серьезный. Он совсем не выглядел счастливым. Сказал, что Машу накануне положили в роддом, она вот-вот родит. И лишь сейчас он на время освободился – для того чтобы просто

посмотреть на Яну. Потому что до сих пор любит одну ее. А жена, ребенок – это только про долг и обязанности, от которых он не собирается уклоняться.

Яна хотела опять поругаться с Григорием, она намеревалась оттолкнуть его, но почему-то не получилось. Это странно, но после стольких месяцев разлуки она еще сильнее любила этого юношу.

Чем все закончилось?

Ночью в гостинице. В снятом номере. Что хуже всего, так это то, что ни Яна, ни Григорий еще не чувствовали себя настолько безумно влюбленными. Каждое мгновение того свидания было наполнено нежностью, а в крошечном гостиничном номере разлилось бесконечное, бескрайнее море любви.

Наутро они расстались. Яна рыдала, Григорий плакал. Обоим было ясно, что эта совместная ночь – последняя в их жизни. Дальше уже ничего не будет. Потому что Григорий вернется в семью, там скоро появится ребенок, жене потребуется помощь по дому, работу тоже еще никто не отменял... Ну, как-то так. А Яна – не будет же она после всего этого еще на что-то надеяться? Нет, конечно.

Но, странное дело, все оказалось иначе. У них, у Яны и Григория, случилось еще одно свидание, кажется, теперь уже точно самое последнее-распоследнее. Затем, спустя месяц, еще одно. Потом еще одно... Григорий рассказывал о своем сыне Серафиме, какой тот смешной и милый и как бы он, Григорий, хотел, чтобы это был ребенок от Яны.

Этих «последних» свиданий набралось на год жизни. И потом еще на один... Яна жила с постоянным ощущением конца света. Пока Григорий не сказал ей, что его жена опять беременна.

Только тогда Яна осознала, что вся эта история превратилась в глупую шутку и вот теперь уж точно пора прекращать эти отношения. Но это сказать легко, а сделать – сложно. Потянулась опять чередой «последних» свиданий. Безумная ночь любви – когда жена Григория, Маша, опять лежала в роддоме...

Расстаться почему-то не получилось, и Яна теперь слушала истории о мальчике Серафиме и девочке Владе. Которая, кстати, была почему-то похожа не на свою мать, Машу, а на Яну. По словам Григория, разумеется.

У Яны умерла родная тетя, оставив племяннице квартиру. Яна получила возможность жить одной, отдельно от родителей, и теперь Григорий стал посещать Яну чаще. Удобней и проще, и никто паспорт не требует на входе – то есть уменьшается вероятность того, что кто-то донесет Маше о похождениях мужа.

Несколько лет пролетели точно во сне. Лет восемь или девять. Пока в один прекрасный день Григорий не заявил, что его жена ждет третьего ребенка.

Тут Яне просто жить не захотелось, она едва руки на себя не наложила от безысходности какой-то, от ощущения, что она бегаёт годами по кругу. И ничего не происходит и не меняется. Нет, Яна не хотела, чтобы Григорий развелся с Машей и оставил детей. Она не была чудовищем, собиравшимся разрушить чужую семью. Яна мечтала только об одном – выйти из заколдованного круга, перестать жить так, как она жила все эти годы.

Надо забыть Григория. Собрать всю волю в кулак и, наконец, окончательно порвать с этим человеком, из чувства самосохранения хотя бы! Но нет. Еще пять лет прошли точно сон с рассказами о Серафиме, Владе и славном малыше Даниле.

Яне перед Новым годом исполнилось тридцать пять лет. Казалось бы, еще не возраст для женщины по нынешним временам, но, с другой стороны, сколько лет отдано отношениям с Григорием. Его детям: Серафиму – шестнадцать, Владе – четырнадцать, Даниле – уже пять. Чужие дети очень быстро растут...

Трель домофона прозвучала в одиннадцатом часу.

– Кто там? – дрогнувшим голосом спросила Яна в переговорное устройство.

– Детка, это я, открывай, – усталым голосом отозвался Григорий.

Через минуту он уже заходил в квартиру – пахнувший ледяным воздухом, едва-едва – кедром (в составе мужского одеколona после бритья числился, наверное), теплой шерстью (от пальто), кофе и еще чем-то свежим, уютным, успокаивающим и, опять же, будоражащим. То, как пахнет Григорий, безусловно, нравилось Яне, и она порой ловила себя на зависти к Маше и их

детям – у тех была возможность обнимать этого мужчину так часто, как им этого хотелось. Была бы Янина воля – она с утра до вечера обнимала бы своего возлюбленного.

Григорий чем-то напоминал цыгана – вьющимися темными волосами, темными глазами, широким подбородком, четко очерченными скулами. Дикарь. Но на контрасте – мягкая улыбка, всегда спокойный печальный взгляд, плавные, чуть замедленные, осторожные движения. Эта вечная усталость чеховского интеллигента...

– Я уж думала, ты не придешь, – пробормотала Яна, под пальто обхватив Григория и прижавшись щекой к его груди.

– Ты ждала меня? – растрогался тот, поцеловал ее в макушку. – У тебя губы не накрашены? Умоляю, только не испачкай мне помадой рубашку...

– Нет никакой помады. И я всегда тебя жду.

– Ох, детка... Надо поговорить.

Григорий разделся, вымыл руки, и они прошли в комнату. Яна легла на кровать, устроилась поудобнее, Григорий уселся в кресло напротив.

– Что-то случилось, – спокойно, с утвердительной интонацией произнесла Яна.

– Да.

– Расскажи.

– Ох... Не хотел, до последнего тянул, – он потерял виски, беспомощно улыбнулся. – Тяжелая ситуация.

– Даже так? – вздрогнула Яна.

– Маша в больнице. Она... в общем, ей и третье кесарево не рекомендовали, а тут вообще... даже гарантий никаких не дают, мне вот ее доктор так и сказал осторожно: «Возможно, придется готовиться к худшему».

- Что случилось? - шепотом спросила Яна. - Маша заболела? Так серьезно?!

- У нее шов сегодня стал расходиться. Увезли на «Скорой». Кровь и все такое, - Григорий опустил голову.

- А почему он стал расходиться?

- Потому что... Ох. Потому что Маша ждет четвертого ребенка. Но до планового кесарева не доходила, вот и... Про ребенка пока еще тоже ничего определенного. Весь вечер в больнице. С детьми моя мама дома. Врач меня отсыпаться отправил, сказал, что я так тоже могу не выдержать. Сломаюсь, если не отдохну.

Яна молчала. У нее куда-то исчезли все слова. И она не могла поверить этой новости - про четвертого ребенка, хотя Григорий не имел привычки врать, да еще по таким серьезным вопросам.

- Что ты молчишь? Хотя я тебя понимаю. Но я не мог сказать тебе раньше. Не мог, и все тут. И что мне было делать? Отправить собственную жену на аборт, предложить ей убить этого ребенка?

- Предохраняться, если ты не хотел детей, - пробормотала Яна и поморщилась - она совсем не то хотела сказать. А что именно она хотела сейчас сказать, Яна сама не знала.

- Я не хотел, а она - хотела. Ты же знаешь, Маша помешана на детях.

- Ты мог с ней развестись после первого ребенка. И платил бы алименты, и точно так же выполнял бы свои отцовские обязанности... Почему ты с ней не развелся тогда? Если ты сам все время говоришь, что любишь меня, а не ее? - Яна упала на спину, закрыла глаза, вцепилась себе в волосы. - Четвертый ребенок, нет, ну это невозможно, анекдот какой-то, глупая шутка... Бред!

- Да, я понимаю, это именно так выглядит со стороны, - усмехнулся Григорий.

- Но невозможно же... - с тоской произнесла Яна. - Край, дальше нельзя. Расстанемся, ладно, Гриша?

– Зачем?

– Я живой человек, я так не могу больше! Оставайся со своей Машей, с детьми, всеми четырьмя... И будьте счастливы, и живите, не болейте... Только я тут ни при чем, ладно?

– Хорошо. Я не хочу с тобой расставаться, я тебя люблю больше жизни, наверное, но... раз ты просишь. И ты знаешь, как мне будет плохо без тебя, – Григорий сел рядом, взял Яну за запястья, притянул к себе, поцеловал.

– Не трогай меня.

– Не буду.

Но он трогал, и трогал так, что Яна совсем не могла сопротивляться. Она судорожно вздохнула сквозь стиснутые зубы. Она даже не шевелилась, но Григорий все делал за нее. Она собиралась просто терпеть, молча и послушно, видя в этом некий протест (тебе, милый, надо, а мне совсем нет), но не получалось.

В этом, видимо, и заключался весь смысл их отношений, эта тайна, когда нельзя быть вместе, но и нельзя врозь. Смысла нет, но зато есть наслаждение, столь острое, что уже не имеют значения ум, рассудок, логика.

К финалу, напоминающему взрыв, они пришли одновременно и долго потом лежали, содрогаясь, не отпуская друг друга, ловя затихающее эхо от этого взрыва, а потом просто лежали рядом, без сил, молча.

«Я хочу умереть? – вдруг отчетливо и как-то очень буднично подумала Яна. – Вот бы кто меня убил. Автобус на меня наехал или кирпич на голову упал... И сразу вся эта ситуация разрешилась бы, и все само рассосалось бы. И все стали бы счастливы и освободились. Меня, в общем, не спасет уже ничего, даже если я вот прямо сейчас расстанусь с Гришей. Сколько мы с ним вот так? Со школы, с пятнадцати лет. Получается двадцать лет вместе. Он – мой единственный мужчина. Другого не будет никогда, да и не хочу я никого. И ничего...»

* * *

После занятий на силовых тренажерах Виктор отправился в душ, а после него решил выпить витаминного коктейля.

Кафетерий, или же другое, более пафосное название – фреш-бар, того фитнес-центра, который посещал Виктор, представлял собой довольно просторное помещение, оформленное в японском стиле – какие-то перегородки из бамбука, напоминающие забор, множество вьющихся растений. Этими перегородками разделялись между собой столики, создавая ощущение приватности.

Виктор со своим коктейлем расположился в одном из таких зеленых уголков и погрузился в чтение почты.

Негромко звучала расслабляющая музыка, бармен звенел стеклом за своей стойкой, чей-то смех, голоса других посетителей кафетерия...

Виктор чувствовал себя прекрасно, как и всегда после занятий спортом. Наверное, это правда, что после физической нагрузки в кровь выбрасываются всякие эндорфины... Он немного жалел о том, что раньше игнорировал эту сторону жизни, телесную. Ел, спал да работал с утра до ночи. Лиза все эти годы пыталась вытолкнуть мужа на спорт, но не получалось. Сама-то она посещала фитнес-центр регулярно, в последнее время увлеклась еще йогой, пилатесом и еще чем-то с названием сложным и прежде неизвестным.

Но с недавнего времени Виктор тоже всерьез увлекся спортом.

Виктор с удовольствием пошел бы заниматься вместе с женой, но Лиза отказала. Сказала, что на этих занятиях одни только «девочки» и появление постороннего дядьки в группе только смутит всех.

Ну, нельзя так нельзя, нечего тревожить «девочек», благодушно решил Виктор и продолжил свои занятия в одиночестве. Настаивать не захотел, тем более что Лизин фитнес-центр находился рядом с домом ее матери, а лишний раз столкнуться с тещей, пусть и нечаянно, Виктор не желал. Он посещал «свой» спортклуб – тот, что ближе к своему дому, оно и удобней – лишний раз не надо думать, куда машину поставить.

Рядом, за стеной бамбука, увитой зелеными листочками, сидели две девицы – болтали, хихикали... Ничем себя не сдерживая. Наверное, они были здесь в первый раз, иначе знали бы, что вся эта местная «приватность» – сплошная фикция.

Виктор к их разговору не прислушивался, уткнувшись в свой телефон.

– ...тот, с бородкой, – всю дорогу на меня пялился в зале. Нет, он так ничего, но я не люблю бородатых. Такое ощущение, что это какой-то... дядя. Не мужчина, а именно дядя. Для меня борода на лице – это совсем не секси.

– Бывают красивые бороды... А ты видела того, со штангой? Похож на одного актера.

– Это тот, лысый? Фу.

– Почему сразу фу?!

Пустая болтовня по соседству не мешала Виктору. Он слышал и не слышал одновременно, чужой разговор лился мимо его сознания.

– Да тут и смотреть не на кого.

– Погоди, а тот, что в черно-красном?

– Он и не смотрел ни на кого.

– Но он интересный, согласись.

– Да, пожалуй. Очень выразительное лицо... Не качок, но такой... аккуратный. Да я и не люблю качков, кстати.

– У него брови интересные. Идут к вискам, вверх, и загибаются вниз, точно запятые-запятушечки такие... И глаза. Прожигают прямо насквозь. Такой наглый, нахальный взгляд самца. Плечи. Широкая грудная клетка, развернутая такая... Икры мощные.

– Ты разглядела его икры?

– А то. У большинства мужиков, если их без брюк рассматривать, ножки тощенькие, икры жиденькие. В одежде еще ничего, стройняшка, а без нее – ну совсем ножки-спички. Я слышала, некоторые себе даже импланты в икры ставят, чтобы нога рельефнее смотрелась... Типа того, что женщины со своей грудью делают.

Виктор читал почту, время от времени отпивал из бокала и почему-то уже внимательно слушал девичий разговор неподалеку. Что-то в беседе двух подруг определенно задевало мужчину.

«Так это же они обо мне говорят! – изумился он. – Цвет моей формы – черно-красный, ноги... Брови?!»

Он переключил свой телефон на режим селфи, уставился на свое лицо на экране. Прикоснулся к бровям. Если задействовать фантазию, то, пожалуй, эти брови действительно можно сравнить... с запятыми. Правда, перевернутыми по горизонтали, что ли?

Девушки за соседним столиком обсуждали его, Виктора, и остальных мужчин, которые недавно занимались в тренажерном зале.

При этом девушки говорили о Викторе как об интересном мужчине. И даже... как о красивом?!

Никто и никогда не считал Виктора красивым. Это понятие было в принципе к нему неприменимо. В детстве он – бутуз, потом увалень, толстячок, добрый молодец, все последние годы – мужик. Не мужчина, нет, именно что мужик – такое определение нередко звучало от окружающих. Женщины его замечали и иногда кокетничали, чего там, а иные и вовсе откровенно заигрывали, но все эти заигрывания грубоватые и прямолинейные. Заигрывания с самим, или как это еще назвать...

Девушки же за соседним столиком определили Виктора как интересного и симпатичного. Страшно произнести, но – красивого! Так обычно девушки отзывались о киноактерах, еще о каких-то известных личностях с яркой внешностью... Но о нем, Викторе, так еще никто не говорил. Хотя... сестра Оля

совсем недавно ужасалась тому, как похудел брат. А он действительно похудел, сбросил пятнадцать килограммов с этим фитнесом: Лиза все ноги сбила, бегая по магазинам, ища мужу новую одежду, по размеру.

Лиза. Лиза вот тоже. Хвалила за то, что он похудел и стал теперь похож на «человека». На того, с кем не стыдно выйти. Мужики. Ну, те, настоящие мужики, что работали на большегрузах в Викторовой фирме. Также пару раз осторожно спросили, не болеет ли он. Значит, тоже заметили, что он жирок сбросил!

Еще Лиза недавно сказала, что ему не надо коротко стричься. У него запарка была на работе, мониторил процесс, не до парикмахерских всех этих... Лиза сказала, что вот так, нестриженным, Виктору, оказывается, лучше, чем с прежним бобриком на голове. Оно и правда, более длинные волосы лежали у Виктора на голове почему-то лучше. Они росли назад и сами так укладывались, даже всех этих гелей не надо, которыми прежде Виктор пытался усмирить свой вертикальный бобрик на голове.

А широкая, развернутая грудная клетка у него была всегда, даром что в детстве родители его на плавание гоняли, в надежде что их бутуз постройнеет. Кстати, не помогло: от плавания, помнится, у Виктора всегда просыпался зверский аппетит.

Девушки за соседним столиком ушли, так и не догадавшись, что «предмет» их обсуждения подслушал весь разговор.

Виктор через некоторое время отправился в гардероб, потом, уходя из фитнес-центра, улыбнулся девушке на ресепшене. Она улыбнулась в ответ и, кажется, как-то по-особому улыбнулась... Как улыбаются красавчикам.

Виктор шел по улице к дому и ловил на себе женские взгляды. Нет, не то чтобы на него все пялились, до такого еще не дошло, но... Те женские взгляды, что он ловил теперь, были какими-то особенными. Не такими, как раньше.

Он изменился. Он стал другим. Он стал лучше, и это открытие не могло не радовать. И он радовался – себе новому, более совершенному, потому что теперь соответствовал Лизе. Да, другие женщины смотрят одобрительно, но это без разницы, главное – это видеть восхищение в глазах Лизы.

Все для нее, любимой – и его душа, и его тело, и его деньги.

Когда-то Виктор ради любимой пренебрег своей научной карьерой. Потом пошел поперек родительской воли. В сущности пожертвовал родителями, да, тут Оля права, когда сказала так когда-то... Это грустно, и... это плохо, да. Но если бы он тогда отказался от Лизы, то сейчас был бы очень несчастен, наверное.

Находясь в состоянии эйфории, Виктор забыл заглянуть в кулинарию, что располагалась неподалеку. Зашел в квартиру, повесил пальто на плечики в гардеробной и вспомнил.

Из комнаты жены доносилась музыка. Виктор сунулся туда. Лиза с Паолой дурачились, танцевали перед зеркалом.

– Привет, дорогой!

– Приветики, дядечка Викто-ор... – с ударением на последнюю гласную, протянула насмешливо Паола, падчерица. Паола была высокая, крупная, больше и тяжелее матери. Не толстая, нет, но какая-то массивная. «Вот ее тоже на спорт надо сдать, правда, опять скандал и истерика будут, если я об этом скажу», – подумал Виктор.

– Ты что, не замечаешь? – спросила Лиза.

– Что?

– Поля подстриглась. Ей идет. Сразу так лицо открылось, такой свет из глаз, да?

Виктору стрижка падчерицы не понравилась. «Щеки теперь торчат», – подумал он, но не озвучил эти мысли вслух.

– На ужин что есть? Я забыл купить... – Виктор отправился на кухню.

За ним следом Лиза.

– Я тоже хочу подстричься. Даже еще короче. Прямо под мальчика, – заявила жена.

- Нет...

- У меня идеальная форма головы и идеальные черты лица. Мне пойдет.

- Да ни за что, - решительно не согласился Виктор и открыл холодильник.

- Я всю жизнь с это гривой, надоело, хочу поэкспериментировать. Вот эти стаканчики не трогай и ту кастрюльку тоже. А это мне на завтра.

- А что есть-то?

- Вон мясо в упаковке.

- Пожаришь, может быть?

- Сам, все сам, у нас равноправие...

- Лиз. Я не умею.

- Ну, так учись.

- Согласен. На следующей неделе запишусь на кулинарные курсы, буду учиться. А пока - пожарь?

- Я не могу. Я вся пропахну этой гарью...

- Так вытяжка же!

- Витя, у меня волосы, они моментально все запахи впитывают... Поэтому, кстати, мне надо подстричься.

- Я есть хочу, - мрачно произнес Виктор. - Оно, конечно, полезно - форму держать, но совсем голодать я не согласен.

– Спустись вниз, пока еще не закрыта твоя кулинария. Только не бери оливье, он жирный, бери салат из капусты.

– Лиз. Но это свинство. Пожарь мясо. Я работаю, между прочим, а ты нет.

– У нас равноправие. И перекинь на мою карточку деньги, я за Полины курсы должна заплатить.

– В этот вуз? Давай раз еще сядем и поговорим, вместе с Полей...

– Витя, не начинай, – отмахнулась жена и покинула кухню. – И потом, мясо мне никогда не удавалось, ты же знаешь... Оно тут давно лежит. Я его уже маме хотела отдать.

Виктор вздохнул. Он совершенно не обиделся на жену. Оделся, вышел из дома. В кулинарии долго стоял у витрины, разглядывая салаты и прочие уже готовые блюда. Раньше он питался именно этим. Что ел, когда сам работал дальнобойщиком, в долгих рейсах, лучше вообще не вспоминать. Но теперь все изменилось. Он стал другим, он сумел с помощью спорта привести свою фигуру в порядок и хотел бы еще и наладить свое питание. Ну сколько можно жрать покупные салаты (к поеданию покупных салатов применим именно этот глагол) и бегать по кафе и ресторанам? Немного простой домашней еды – вот чего не хватало сейчас Виктору. И не потому что он не хотел опять поправиться, нет. Он перестал относиться к своему телу с пренебрежением. Это его тело – тот сосуд, в котором он носит свою жизнь. Это важно – содержать данный сосуд в порядке. Без фанатизма, без превращения в маньяка-зожника, но и без полного пренебрежения.

Лиза всю совместную жизнь боролась за то, чтобы ее муж выглядел «как надо». По-мужски привлекательно, то есть. Так почему же в одном из важных вопросов – питании – она не захотела участвовать? Нет, ну понятно, сейчас равенство и равноправие, нет мужских и женских обязанностей, но когда муж тащит на себе все – оплачивает счета, купил квартиру и машины, работает не покладая рук, а жена не делает вообще ничего, не работает, не занимается домом (все домашние хлопоты находящейся домработнице)... Как-то это несправедливо, нет?

Если подумать, даже посещение кулинарных курсов Виктора не спасет. Времени все равно маловато, да и это же так приятно – получать еду из рук любимой женщины. Это таинство, это древний ритуал, это проявление заботы, в конце концов. Это материальное проявление любви, в сущности.

А так получается, что Лизе важно лишь одно – как выглядит ее муж, его внешняя оболочка, а что там у него внутри, откровенно говоря, в кишках творится, ей плевать. Он всю жизнь положил на то, чтобы Лиза жила беззаботно и легко, никогда не расстраивалась и не плакала, а ей стейк ему неохота пожарить. Ему было дело до каждой ее волосинки, до мизинчиков, до родинки на шее, до ее сердца и вен, а ее, получается, волновало только то, не помятое ли пальто он надел и не стыдно ли с ним в люди выйти... Нет, ну понятно, что ответственность за свою телесную оболочку лежит на «владельце» самого тела, нечего на окружающих перекладывать вину за свой гастрит или там язву, но как-то это грустно все. Особенно когда вспоминаешь о своих вложениях в отношения. Когда ты – всё, а другая сторона – ничего. С другой стороны, опять же – а тебя что, просили так много вкладывать? Заставляли? Сам, все сам, добровольно. И институт бросил, и с родителями отношения испортил.

Собственно, потому Виктора так и бесила Оля, сестра, – она являлась неким отражением Лизы. Оля тоже хотела от мужчин многого, а сама ничем не собиралась поступаться.

Хотя это последнее дело – из-за куска мяса, из-за тарелки еды ссориться. Но все же: вот Лиза просит денег на курсы для Паолы. Потом точно так же будет каждый год требовать деньги на оплату ее обучения. А поговорить о том, что на самом деле девочке надо, не хочет. И считает (вместе с тещей), что раз Виктор не отец, то не имеет права вмешиваться в жизнь Паолы. А ведь именно он знает про учебу, про выбор профессии и чем все это может обернуться, когда выбрал не свое дело...

Ну какой из Паолы политолог? Или социолог? Однажды, когда у нее ноутбук сломался, Паола пользовалась Викторовым. Какие там в истории посещения потом оказались запросы, что там с историей браузера... судя по ней, социология девочку не интересовала во-о-обще. Гораздо продуктивнее было бы отправить Паолу на курсы этих... мастеров нейл-дизайна. И это в лучшем случае!

* * *

День святого Патрика. Не наш праздник, совсем не наш, но вот почему-то прижился, с этим «зеленым» маскарадом, килтами, визгливыми голосами волынок.

Яна как-то особо не думала о том, правильный это праздник или неправильный – ну вот как тот же Хеллоуин или же День святого Валентина... Кому-то надо – и пусть. Ведь иначе для чего она, эта свобода?

Для Яны вторая половина марта – самые горячие денечки. Фортепиано на время забыто, в руках только волынка. Старинный костюм (якобы ирландки), волынка в руках, беготня по городу – с одного мероприятия на другое, с одного шествия на другое, из паба в паб, с площадки на площадку...

Снег почти растаял, сухие тротуары и холод. Пар изо рта у прохожих, румяные щеки. Хохочут, с зелеными шапками на головах.

В детстве и юности Яна училась игре на фортепиано. Потом, когда родители всерьез обеспокоились ее отношениями с Григорием, Яну отправили учиться и игре на флейте еще. А от флейты до волынки совсем недалеко. Те же дырочки на инструменте, такая же постановка пальцев... Хотя первое время занятий на волынке у Яны болела диафрагма, уставали пальцы и руки.

Окружающие относились к ее увлечению неоднозначно. Некоторые терпеть не могли звуки волынки, считали их слишком громкими, визгливыми и неприятными, другие приходили в восторг.

Все-таки этот инструмент по-прежнему оставался экзотикой. Хотя ничего особо сложного, все трубы с тростями, торчащими из мешка, звучат сами. А задача волынщика – нагнетать в этот мешок воздух. Мешок для хорошей, настоящей волынки делается из кожи коровы или овцы, шьется кожей внутрь, меховой частью – наружу. За мешком надо ухаживать – пропитывать специальными составами, чтобы кожа не ссыхалась. После игры просушивать. Сейчас делают конструкции и из синтетических материалов, но все равно кожа лучше...

Для Яны эта вторая половина марта, сколько она себя помнила, всегда казалась праздником. Движение, смех, калейдоскоп событий вокруг, много молодежи, возможность превратиться в девушку из прошлого, из другой страны или даже

из фэнтези, где водятся эльфы, тролли и вредные лепреконы... Да еще и деньги заплатят за участие в мероприятиях.

Иногда Яна задумывалась о том, а что же дальше? Что будет через пять, десять, двадцать лет? Ей все так же скакать с волынкой по праздникам, а в остальное время преподавать игру «с рук» на фортепиано? Как-то несолидно. Будет она... старушка с волынкой, что ли? Но, с другой стороны, а что такого, сейчас уже никто не придирается к возрасту, а кто придерется – тот эйджист, то есть занимается дискриминацией по возрасту, и все его осудят.

Многие из близкого окружения беспокоились о том, что у Яны нет постоянного места работы. Считали, что выступать в постоянном составе какого-либо оркестра – это хорошо. Но музыкантам (если они не в составе какого-нибудь супер-пупер-знаменитого коллектива) платили мало, да и эти гастроли, опять же... И коллектив этот самый порой неоднозначный. А значит, возможные интриги и склоки.

Быть одиночкой, почти ни с кем не связанной, удобнее. Нет, так-то Яна тоже частенько выступала в коллективе из своих друзей-музыкантов, где люди старались никого не подвести... И налоги платили, и все такое. У Яны имелась, например, лицензия на то, чтобы работать уличным музыкантом. И конкурсы она проходила, когда победителю давали разрешение на игру в переходах и метро.

Словом, пока переживать было не из-за чего. Конечно, тридцать пять лет – это не юность, но пока к Яне обращались «девушка» и никак иначе.

Отчасти богемное такое существование Яну не портило. Она не пила, партнерами-мужчинами не интересовалась (зачем, если вся жизнь посвящена Григорию?). Она умела себя вести на публике – когда серьезная, когда веселая, знала, когда надо подмигнуть, а когда поклониться, как отбиться от навязчивых пьяных поклонников – с доброжелательной улыбкой, не вызывая обиды и возмущения. Всегда помнила о дистанции, на провокации не поддавалась.

О Яне хорошо отзывались, ее неизменно рекомендовали, она была проверенным человеком. В том смысле, что еще никогда никого не подводила – ни свой коллектив, ни работодателей.

Нынешние праздники помогли Яне отвлечься от печальных мыслей, связанных с Григорием.

...Поздним вечером, усталая, она, расплатившись, вышла с большим баулом, в котором таскала реквизит, из такси у своего дома.

– Яна!

– А? – она обернулась и увидела Григория. – Ты... Что ты тут делаешь?

– Тебя жду. Ты не отвечала.

– Ты знаешь, во время выступлений никак со мной не связаться.

– Знаю, знаю... – улыбнулся тот печально. – Поговорим?

– Ну, пожалуйста... Не надо, прошу, что тут еще можно обсуждать...

– Я все понимаю, но кое-что изменилось. Нам с тобой действительно надо очень серьезно поговорить кое о чем.

Они вошли в подъезд, молча поднялись в лифте.

Дома Яна сразу поставила чайник, чтобы согреться, бросила на сковороду рыбное филе, которое как раз успело разморозиться за день, на другую сковородку – уже готовую овощную смесь.

Пока она готовила, Григорий молча наблюдал за ее передвижениями по кухне. Через десять минут они сели за стол.

– Вкусно... почему у тебя рыба такой вкусной получается? – спросил Григорий, пробуя блюдо.

– Потому что я ее на сливочном масле жарю! – засмеялась Яна, хотя совсем не испытывала веселья. Она чувствовала сильную усталость, накопившуюся за этот суматошный день, и какой-то подвох в визите возлюбленного. – Капелька

растительного, но совсем капелька, только чтобы не подгорело, и немного сливочного.

– Разве это полезно, сливочное-то? – пробормотал Григорий. – Ну да ладно, я не о том, – он доел, отложил вилку. – Маша в коме.

Яна тоже отложила вилку.

– Так все плохо... – прошептала Яна. – Даже не верится. Чтобы в наше время, когда медицина на таком высоком уровне...

– А вот представь.

– А ребенок? Что с ребенком?

– Это девочка. Немного недоношенная, но прогноз хороший, обещали выходить. Маша хотела назвать ее Миланой. Милана так Милана... С Миланой более-менее все в порядке. А вот с Машей... Шансов, что она выживет, придет в себя, очень мало.

– О нет.

– Я же тебе еще в прошлый раз говорил, все очень плохо.

– Не могу поверить!

– Яна. Детка... Об этом рано говорить, да и о вообще, об этом нельзя говорить, пока есть хоть какая-то надежда... Но. Я должен это знать заранее. И ты – тоже должна быть готова. К тому, что... ох, не могу это произнести, – Григорий сморщился и спрятал лицо в ладонях.

Яна молчала. Она словно окаменела. Она упорно отказывалась верить в происходящее и не понимала, о чем ей сейчас толкует ее возлюбленный.

Потому что не могла поверить в то, что они с Григорием когда-то будут вместе. И он, этот мужчина, любовь всей ее жизни, станет принадлежать ей и только ей. Яна точно знала, что Григорий никогда не оставит Машу, да и она сама, Яна, не

собиралась увести возлюбленного из семьи, не придумывала никаких хитростей, не шантажировала, не уговаривала Григория, она просто жила как есть и не стремилась что-либо изменить, с тех самых пор как Маша родила второго ребенка... Вторым ребенком явился той самой «точкой невозврата». Или инсайтом, то есть внезапным озарением... Когда Яна смирилась с тем, что она теперь только любовница и никто больше.

Смерть Маши могла изменить всё.

– Что я должна знать? – сделав над собой усилие, произнесла Яна. – К чему я должна быть готова? Скажи мне это словами, иначе я не понимаю.

Григорий побледнел, потом покраснел.

– Ну зачем ты меня заставляешь делать это... Жестоко же. И без того все яснее ясного.

– Нет, ты скажи, – нахмурилась Яна. – Я не могу додумывать за тебя. Чего ты хочешь, каким видишь будущее, что собираешься делать... Я, милый Гришенька, двадцать лет себя держала в очень жестких рамках, чтобы не тратить сил лишней раз и не испытывать разочарования. Я теперь не как все люди. Мне надо говорить – что делать и куда идти.

– О, ты решила отыграться...

– Нет, – спокойно перебила она. – Это я, повторяю, просто приспособилась к условиям жизни. Как те рыбки, которые плавают где-нибудь в кораллах и своей расцветкой сливаются с фоном, чтобы просто выжить.

– Жестоко. По сути, ты обвиняешь меня в том, что я тебя искалечил.

– Нет. Я согласилась на эти отношения – значит, и моя ответственность тут есть. Я не буду за тебя ничего додумывать, я же предупредила... Ты мне вот о чем сейчас намекаешь? Что если с Машей случится самое страшное, то я по-прежнему останусь твоей любовницей? Или ты мне предлагаешь стать твоей женой?

– Я тебе предлагаю стать моей женой... в том случае, если с Машей... – Григорий не договорил, отвернулся и смахнул слезу со щеки.

– Мы официально распишемся?

– Да. Да! Если ты этого так хочешь...

– Что я хочу – это одно, а что ты мне предлагаешь, вот что я хочу знать! – мрачно произнесла Яна. – А что еще ты мне можешь предложить? Ты хотел бы еще детей, от меня?

Григорий вздрогнул. Повернулся, посмотрел Яне в глаза:

– Хочешь честности и открытости? Ладно. Про совместных детей я даже думать боюсь. Яна, у меня уже четверо, мне бы их на ноги поднять! Ты хочешь детей, да? Да? Мы с тобой никогда об этом не говорили, но...

– Если честно, то я не знаю, хочу ли я детей, – призналась Яна. – Может, я не совсем обычная женщина или во мне материнский инстинкт еще не проснулся... Не знаю! Я с пятнадцати лет только о том и думаю, как бы не забеременеть! И ты со мной – только об этом и думаешь! Двойной, а то и тройной барьер из самых разных способов контрацепции! И таблетки, и то, и это... А вот с Машей – нет, никогда! Ничего!

– Не кричи. Ты обижена, ты очень обижена. Но вот так... С разными людьми – по-разному. И это не потому, что я тебя не люблю. Может быть, я тебя слишком люблю... Той самой нежной, юношеской, очень романтической любовью, чересчур идеальной и возвышенной... не связанной с подгузниками и бутылочками. Но раз ты хочешь детей, хорошо. Я согласен. Пусть у нас будет ребенок. Главное, не сейчас, а немного позже, потому что Милана...

Яна с трудом перевела дыхание. Кажется, Григорий сейчас говорил правду. Ту, которая пусть и немного, но могла утешить Яну.

– Мне тридцать пять лет, – пробормотала она. – Слишком надолго откладывать это нельзя... Но...

– Даже если ты и не родишь, ну мало ли что, то у тебя будут дети. Мои. А Милана... считай, что она станет полностью твоим ребенком, ведь тебе ее придется воспитывать с рождения.

– О чем мы говорим, что мы делаем сейчас... – Яна вдруг испытала ужас. – Так нельзя, ты прав. Маша же еще жива! И я совсем не хотела ее смерти... Никогда, никогда. Пусть лучше она живет, а я останусь одна, я уже привыкла!

– Но и глаза тоже закрывать не следует, нельзя игнорировать происходящее, надо как-то подготовиться, предусмотреть... Вот именно потому, что на мне четверо детей, теперь и я отвечаю за них.

– Я поняла.

– Так ты согласна? Стать моей женой, если вдруг...

– Да, – выдавила из себя Яна.

– Детка... Милая... – Григорий притянул ее к себе, посадил на колени, обнял. Потом положил обе ладони ей на грудь, тяжело застонал.

– Что ты делаешь? – прошептала Яна, ужасаясь не только поведению Григория, но и своим ощущениям. Тому, что и в ней стремительно шевельнулось, отозвалось – это вот все, животное.

Григорий не ответил, он со стоном продолжал мять Яну в своих руках. Она чуть повернулась, увидела его лицо – закушенные губы, полураскрытые веки. Глаза закатил, ресницы дрожали.

– Так нельзя! – с отчаянием воскликнула она, ненавидя себя.

– Почему... – глухим, прерывающимся голосом отозвался тот.

– Она там умирает, а ты... пусти. Перестань.

– О-о...

– Нет же! – Яна собрала свою волю в кулак и вырвалась.

– Что ты творишь, ну вот зачем! – закричал он и вдруг разрыдался. В первый раз Яна видела своего возлюбленного, плачущего в голос.

– Уходи, пожалуйста. Ну так нельзя, правда... – с тоской сказала она. – Иди, иди. Потом встретимся, потом поговорим, ладно? Иди к Маше, ты нужен ей... Иди к детям, они ведь тебя ждут!

Григорий немного успокоился, выпил воды, поцеловал Яну в лоб и ушел, на прощанье обещав позвонить завтра.

После его ухода Яна чувствовала себя очень странно. Словно она находилась внутри запертой клетки. И ничего уже не имело значения, и никакое действие не могло изменить эту ситуацию, и никакие мысли, слова, действия тоже бы ничего не исправили. Она навечно взаперти.

* * *

Григорий сам не знал, любил он Яну или нет. Был влюблен когда-то в Яну, в юности – вот это точно. Он тогда все время думал об этой девочке, своей однокласснице, и каждый день встречи с ней в школе наполнял его ощущением счастья. А иначе он в эту школу и ходить не стал бы.

Все в ней, в этой школе, казалось ему скучным и бессмысленным, совершенно ненужным для будущей жизни. Хотя Григорий учился очень даже неплохо, отстающим никогда не был. Но он точно знал, что большая часть знаний ему точно не пригодится – смысл набивать башку знаниями, если мир изменился и собирается меняться дальше? Карьеру уже не сделать без знакомств и связей, так называемые «социальные лифты» почти не работали, с рынком труда вообще что-то непонятное – профессии отмирали пачками, люди легко заменялись программами и роботами... Ну смысл грызть гранит науки, в лучшем случае вырвешься на среднюю должность со средней зарплатой. Талантам и гением быть хорошо, тут есть шанс прогнуть изменчивый мир, но он, Григорий, – обычный, средний человек. И ничего страшного в том, чтобы быть средним, нет. Страшнее, если без всяких на то причин, без капли таланта воображать себя пупом Земли и центром вселенной.

Страшно еще потратить все силы на учебу и делание карьеры, чтобы в результате получать среднюю зарплату и пахать как лошадь. А что потом? Потом только пенсия, весьма небольшая, до которой к тому же надо еще дожить.

Так думал Григорий с юности. Ну не совсем так, не буквально, это чуть позже его мысли оформились уже в четкую теорию. А поначалу Григорий просто чувствовал, что все тлен и нет смысла напрягаться.

Он собирался поступить в самый простой вуз на самую легкую специальность и обязательно бюджетную, чтобы затем найти какую-нибудь легкую, неизматывающую работу. Деньги не играют роли. Деньги не стоят пота, крови, слез, нервов и бессонных ночей.

Деньги появятся потом, когда умрет бабушка, папина мама. У нее трехкомнатная квартира в центре, ее можно будет сдавать. Или разменять и сдавать две квартиры. Или одну сдавать, а другую продать и купить квартиру на уровне котлована, у хорошего застройщика, конечно. Потом, когда квартира будет готова и ее цена взлетит, ее опять можно продать и вступить в очередной проект с новостройкой... Или же вовсе замутить с нежилыми помещениями, гаражом... Вот чем собирался заниматься в будущем Григорий.

Бабушку свою он при этом очень любил и скорой смерти не желал. Бабушка, родная и любимая, – это одно, а то наследство, что она когда-то оставит ему, – это другое. Григорий вообще никогда и никому смерти или другого какого зла не желал и ход вещей не торопил. Алчность была ему чужда в принципе. Торопиться вообще нельзя и жадничать тоже.

Собственно, когда пришло время и любимая бабуля покинула этот мир, то Григорий (единственный ее наследник, поскольку папа умер давно) стал потихоньку воплощать свой план по продаже-покупке квартир в жизнь. Работая при этом в какой-то простенькой конторе, где не особо много платили, да, но и требовали тоже немного...

Так вот, возвращаясь к школьным годам. Яна тогда являлась единственным утешением Григория. Лучшая подруга, первая любовь. Да, он у нее был первым и единственным, что приятно.

Мама же Григория, Зоя Петровна, смотрела на эту любовь сквозь пальцы. Правда, постоянно напоминала о том, что он должен помнить о своей уже мужской ответственности. Если девушка забеременеет – придется жениться на ней. От собственных внуков Зоя Петровна не собиралась отказываться. Внуки – это святое. Но параллельно мать также рассказывала о недолговечности союзов, созданных в юности, под влиянием гормонов.

Зоя Петровна была детским психологом, работала сначала в школе, потом в медицинском центре... Это была ее работа – помочь детям и взрослым не наделать ошибок и исправить уже сделанные. К ней домой тоже приходили на консультации, в частном порядке родители с детьми.

По окончании школы Григорий поступил в педагогический вуз, на то отделение, где был самый небольшой конкурс. Почти единственный молодой человек – в цветнике из девушек. Спокойный, доброжелательный, нормальный. Красивый, но не из тех, кого называют «альфа-самцами».

Буквально с первого сентября, едва начав учебу, Григорий закрутил роман с Машей. Кстати, Маша – совсем не красавица. Обычная девчонка. Хорошенькая и веселая, с легким характером.

Как без Маши-то, иначе ведь скучно учиться, ходить каждый день в вуз, который выбрал только для галочки, должна же быть какая-то радость в жизни...

Но с Машей вышел какой-то прокол, буквально. Маша очень быстро забеременела, от ребенка она избавляться не собиралась, пришлось жениться.

Яна, конечно, расстроилась, узнав эту новость. Они расстались. Такова жизнь, что ж теперь.

Но потом Григорию стало неинтересно жить, когда Машу положили в больницу на сохранение. Он не мог существовать вот так, без радости. Скучно же. Он решил вернуть Яну. Ну, пока Маша где-то там, далеко, в прямом и переносном смысле...

И вот когда он Яну возвращал, то открыл для себя нечто удивительное. Оказывается, самые острые ощущения – это когда нельзя. Потому что это просто ужасно – предавать жену, которая к тому же либо в положении, либо рождает,

либо только что родила и совсем слабенькая еще. Может, какой-нибудь гуляющий товарищ в измене особого греха не видит, главное для такого – не спалиться, а все эти тонкие материи про предательство ему безразличны. Но Григорий, как человек совестливый, прекрасно понимал, что поступает плохо, когда бежит от Маши к Яне. Он в такие моменты испытывал ужас и чувство вины. Но тем острее было наслаждение. Особенно запомнились ему те дни, когда Маша рожала, вернее, когда ей делали очередное кесарево сечение. Вот тогда, во время свиданий с любовницей, случались самые настоящие физиологические фейерверки и землетрясения, особенно если Яна сопротивлялась, возмущалась и пыталась прогнать Григория.

Как-то в малознакомой мужской компании выпили, принялись трепаться о всяком таком (а мужики, они те еще сплетники и балаболы, почище баб будут!), и Григорий проболтался вот о такой своей особенности. Он думал, что его осудят, но нет, его все поняли и даже одобрили.

Потому что для семейной жизни годилось все, что помогало поддерживать в ней мир и спокойствие. А Григорий действительно отличался дома удивительным спокойствием и терпением. Он обожал и берег жену, он снисходительно терпел ее гормональные всплески во время беременности и ее послеродовые проблемы. Он с радостью и охотно возился с подросшими детьми в выходные, он на все вообще смотрел сквозь пальцы и не маялся от приступов недовольства и злобы, которыми часто страдали «примерные» мужья. То есть те мужчины, что не позволяли себе бегать «на сторону».

Плохо, что Яна этого не понимала. Вот она действительно любила Григория. Ревновала к жене первое время, похоже, даже ждала, что он оставит семью и вернется к ней, своей первой любви... Потому что считала себя главной женщиной в жизни Григория. Яна думала, что это ее он предал, ей изменил – с Машей...

По-хорошему Яну давно следовало «отпустить». Нет, оно понятно, что Яна – не безвольное существо, не рабыня, не козочка, привязанная веревкой к забору. Она могла спокойно оставить Григория сама, если бы всерьез захотела этого. Но... она не могла захотеть, потому что все время находилась в эпицентре его страсти. Эмоции, чувства – они сильнее голоса разума, чувства самосохранения.

Чтобы «отпустить» Яну, Григорию требовалось проявить волю. Сказать ей – уходи, да так сказать, твердо, чтобы она с первого раза все поняла. А он этого

не мог сделать пока. Ну а как он без Яны тогда? Искать новую любовницу? Да это кот в мешке, по сути. Какая еще женщина согласится быть вечно на вторых ролях? И не начнет мелко пакостить, не ползет к жене, для того чтобы заявить о себе... Женщинам нужны брак, дети... У тех женщин, у которых уже есть свои дети, они детей любят, а новым мужчинам достается от них по остаточному принципу... Ну, а тех дамочек, что любили мужиков больше своих детей, и задаром не надо, к подобным особам Григорий испытывал брезгливость, потому как сам был ответственным отцом.

Словом, без Яны никак.

Григорий до последнего не сообщал ей, что Маша ждет четвертого ребенка, догадывался, что это известие может многое изменить, поскольку четвертый ребенок – это предел... Даже для Яны.

Но дальше тянуть было уже нельзя. Поскольку в любой момент Григорий мог стать вдовцом, а вдовцы с четырьмя детьми мало кому нужны. Нет, можно, конечно, найти «проблемную» даму, которая согласится стать мачехой целому выводку... Но Григорий не хотел «проблемную». Он сам, сколько себя помнил, старался убежать от проблем, пытался максимально облегчить себе жизнь, а там, где это было сделать нельзя, находил себе «утешение» и какой-либо «приз».

Яна была идеальной кандидаткой на роль мачехи. Любила, хранила верность. Нормальная. Не скандальная, терпеливая. Красивая ко всему прочему.

Упускать ее ни в коем случае было нельзя. В первый момент, когда она отказалась от близости с ним, когда Григорий рассказал о Машиной коме, он едва не распсиховался... Но вовремя сдержался. Потому что Яна была настроена серьезно, эти новости напугали ее. Требовать своего в этот момент – только портить отношения с верной любовницей. Ее «нет» прозвучало твердо.

Ну, что поделать, Григорий отправился тем вечером к платным жрицам любви... Чего не делал никогда. Ибо тоже брезгливо...

Неожиданно понравилось. Очень острые ощущения. Жена при смерти, а он – с проституткой.

Потом – ощущение собственного несовершенства, глубочайшее чувство вины. Желание искупить ее, свернув горы ради семьи. Кто знает, если бы Григорий не ощущал всего этого, он не был бы идеальным мужем и отцом.

Иногда он смотрел на себя словно со стороны. Как на него посмотрели бы другие люди, самые разные. Не только замученные браком единомышленники. А и те, что считают себя верными мужьями, бобыли-одиночки, еще женщины, девушки, пожилые люди обоего пола... Всякие-разные.

Так вот. Григорий понимал, что многие сочли бы его поведение очень гадким. Возможно даже, кто-то назвал бы его извращенцем. А что, разве это не извращение по большому счету – с особой охотой заниматься сексом именно тогда, когда жена в больнице или при смерти?

И Яна не поняла бы Григория, если бы заглянула ему в голову, в душу. Яна наверняка думала, что Григорий приговорен к Маше, прикован к той обязательствами честного человека, а это все неправда.

Правда же в том, что он никого особо не любил, чтобы прямо жертвовать чем-то... Он просто жил. И тоже ничего особо плохого, если уж в самую суть заглянуть, не творил. Жену не обижал, детей холил и лелеял. Купил семье шикарную квартиру, обставил ее по высшему разряду, детям дарил дорогие гаджеты... Себе такого не позволял купить, кстати! Не видел смысла, довольствовался простыми вещами... Он не убил никого, не обокрал. Он просто не любил скучать и свой адреналин получал вполне невинным путем. Ну, такая «игрушка» у него была, что ж теперь.

У всех свои игрушки, только надо присмотреться внимательней. Маша любила рожать. Яна была болезненно привязана к Григорию. Или взять маму, Зою Петровну. Она видела смысл своей жизни во внуках. Не то чтобы она их как-то особо обожала, или баловала, или возилась с ними очень много, нет... Но внуки являлись для матери продолжением ее жизни, ее билетиком в бессмертие. Больше внуков – больше билетиков. Если есть внуки, то, значит, род не прервался.

Ну, вот такое немного старомодное у матери было убеждение. И что с того, что она являлась дипломированным психологом, довольно-таки известным...

Если бы мать узнала о том, что у Григория есть многолетняя любовница, та самая бывшая одноклассница, она осудила бы сына, несмотря на весь свой багаж психологических знаний. И наверняка сочла бы сына ненормальным, с этими его «игрушками»...

* * *

Лиза все-таки добилась своего – она вытребовала у мужа нужную сумму на подготовительные курсы для Паолы. Виктор дал жене денег, а потом затеял с падчерицей разговор – представляет ли она, кто такие эти социологи-политологи и прочие общественные деятели вкупе с журналистами? Что значат эти профессии, которые она выбрала для своей будущей жизни?

Паола бойко ответила, что нашла самую универсальную специальность, которая может пригодиться в любой сфере деятельности. Что профессионалы в этой области обладают широким кругозором и помогают взаимодействию власти и людей.

– А конкретнее? – спросил ее Виктор. – Что ты собираешься делать, где работать, с кем? Ты видишь это место?

– Это Государственная Дума, – хладнокровно ответила падчерица.

– Что-о? – изумился Виктор.

– То самое. Вы, Виктор, думаете, что я дурочка, да? Не знаю, чего хочу? А вот знаю. Я буду работать советником у какого-нибудь известного политика.

– И ты... э-э, гм... ты будешь давать ему советы?

– Вот только не надо иронии, – сурово ответила Паола. – Да, я буду давать советы. Помогать работать.

– И ты уверена, что какой-нибудь взрослый дядька, седой и морщинистый, станет тебя всерьез слушать?

– Может, это будет не старый дядька, а молодая женщина-политик. Известная спортсменка или актриса...

– Ага, уже спокойней нам с матерью. А что именно ты станешь ей советовать, этой молодой женщине-политику?

– Ну, откуда я знаю, что там в жизни произойдет, какие процессы новые возникнут через пять лет или десять, когда я работать уже вовсю стану...

– Ладно. А сейчас ты что бы изменила в этой жизни? – кротко спросил Виктор.

– Да все.

– А именно? Ты же даже новости не смотришь!

– Откуда вы знаете, Виктор, – фыркнула Паола. – Я еще как интересуюсь общественной жизнью. Я считаю, что мужчины забрали себе слишком много власти, и с этим надо бороться. Мужчины смотрят на нас, женщин, как на дурочек и используют словно бесплатных рабынь. Заставляют женщин унижаться. Надеюсь, я смогу сделать карьеру. Я стану бороться за права женщин.

– Что-то я с тобой не согласен, – улыбнулся Виктор. – Пока я у вас в рабстве, у тебя и твоей мамы. Даю вам денег, выполняю любые капризы...

– Ах, скажите, пожалуйста, как вы, Виктор, перенапряглись, – высоким голосом пропела Паола.

– Нет, давай, правда, серьезно, о выборе профессии поговорим, – вздохнул Виктор. – Это важно.

– А я не хочу с вами говорить, Виктор, – пожала плечами Паола.

– То есть я должен давать деньги и не отсвечивать, и все? – нахмурился он. – Но так нельзя, Поля. Я спонсирую твое образование, а значит, я имею право обсудить с тобой вопрос выбора профессии.

– Нет, не имеешь, – холодно произнесла Паола. – Это решать мне и маме.

– Ну, так и пусть мама тебя тогда спонсирует...

В лице у Паолы что-то дрогнуло. Она смотрела на своего отчима со странным выражением. Как на какое-то насекомое, что ли. «Она подросток, – напомнил себе Виктор. – Ну что я к ней привязался, в самом деле... Скажу Лизе, чтобы она сходилась с Паолой к психологу, который занимается профориентацией, что ли... Я, наверное, не умею разговаривать с детьми!»

В этот момент хлопнула входная дверь.

– Приветтики! Поля, ты где?.. А у меня для тебя сюрпри-из...

Виктор взглянул на Паолу и вздрогнул – по лицу падчерицы текли слезы. Она сидела в кресле, бледная; исполненная трагизма поза... Эта перемена в ее облике, поведении произошла мгновенно.

– А, вот вы где все... Поль, ты чего? – вошла в комнату жена.

Паола махнула рукой и убежала.

Виктор же изумленно уставился на жену. Он не узнавал ее. Еще утром Лиза выглядела иначе. Куколкой. Русалкой. Романтичной принцессой... Теперь же перед ним стояла стильная дама с «мальчишкой», очень короткой стрижкой.

– Что это вы, поссорились? – строго спросила Лиза.

– Я не обижал Полю. Я пытался с ней поговорить о ее будущем, – неохотно признался Виктор, одновременно пытаясь понять, нравится или нет ему новый образ жены. – И мы нормально говорили, она даже немного наезжала на меня и дерзила... Но пришла ты, и Поля вдруг расплакалась. Что-то ее все равно волнует! Я думаю, тебе надо сходить с ней к психологу...

– Сам к нему иди, – дернула плечом Лиза. – Я же сказала тебе, не лезь. Мы сами разберемся. Какой еще психолог? Ты просто достал всех своим контролем. Или мы должны тебе в ножки каждый раз кланяться – за каждый твой якобы щедрый

жест?

- Она не чужая мне. Ее судьба меня волнует. Ты... ты не даешь мне стать ее отцом. Ты все время ведешь себя так... как будто вы обе отдельно и я отдельно. Мы не втроем, мы не семья, мы - два плюс один.

- Начинается...

- Ладно. Понял. Не буду, - Виктор сделал над собой усилие. - Ничего больше не стану спрашивать. Нужно что - скажи, молча сделаю, дам денег, если надо, с советами лезть не стану. - Он решил сменить тему: - Ты подстриглась?

- Да, - устало произнесла Лиза. Повернулась, давая возможность рассмотреть ее со всех сторон. - Как тебе?

Виктор задумался. Новая прическа шла Лизе. Стильно, дерзко. пышный затылок, выбритая снизу шея, длинная косая челка на пол-лица... У жены идеальная форма головы, наверное, даже бритая налысо Лиза выглядела бы вполне достойно. Классические черты лица тоже позволяли любые эксперименты.

Но Виктор не понимал таких вот очень коротких женских стрижек.

- Тебе идет, - спокойно произнес он.

- Славно. Я решила пока не краситься. Оставлю свой цвет.

И вправду, корни волос у Лизы темно-серого цвета. Серое и белое - на концах.

- Мир изменился. И я тоже. Вдруг почувствовала себя пошловатой с этой крашеной гривой. Но ты против, я вижу.

- Нет, тебе правда идет, - бесстрастно возразил Виктор.

- Ты все врешь.

– Господи, Лиза, ты не можешь заставить меня чувствовать иначе, так, как тебе надо! – вспылил он.

Жена вдруг заплакала.

Раньше Виктор кинулся бы ее жалеть, умолял бы о прощении, но сейчас ему было почему-то все равно. Он с досадой подумал о том, что всякий диалог с Лизой невозможен. С ней трудно говорить. И вообще... это же бред. Ну ладно Паола, она еще ребенок, ей простительно чуть что – реветь, а когда взрослая женщина вот так, с ходу начинает заливаться горячими слезами, это бесит. Потому что это запрещенный прием. Это тот самый аргумент, перед которым мужчина бессилён. Это не общение равных. Да это вообще не общение, это манипуляция в чистом виде!

Виктор почувствовал, что еще чуть-чуть, и он взорвется, и тогда станет только хуже.

– Я к Оле... – сорвался он с места.

Схватил пальто с вешалки, спустился вниз. Хотел сесть в машину, но она оказалась «припертой» другим авто. Виктор пожал плечами и вызвал такси. Пока ждал его, позвонил сестре:

– Оля, ты дома? Я сейчас приеду.

– Приезжай, конечно, – вздохнула сестра.

...Оля открыла ему дверь, улыбнулась рассеянно:

– Опять поссорились?

– В этот раз – да. Прости, что беспокою. Ох ты... забыл еды купить. Давай закажу сюда, на дом, доставку. Тебе что-нибудь надо?

– Не знаю. Только не пиццу! И не роллы!

Виктор заказал набор готовых диетических блюд на двоих, обещали привезти в течение часа.

- Ты похудел, я тебе говорила? - печально заметила сестра. - Ты сильно похудел, Витечка...

- Спортом стал заниматься.

- Ты молодец, - вздохнула она. - А я вот хочу поехать в конце апреля в Прагу. Хотя я туда каждый год езжу, уже надоело...

- Нет, это отличная идея. Одна поедешь?

- Ну, как одна, с группой... Витя.

- Да.

- Ты ни о чем не жалеешь? - с тоской спросила Оля.

- Опять! Ты о том, что я мог бы стать великим ученым? Ох... не хочу об этом думать.

Он ушел в свою комнату. Через полчаса позвонили по домофону - привезли заказ. Ели на кухне доставленную еду молча. Вернее, ел Виктор, Оля лишь ковыряла морковную запеканку с выражением недоверия и тоски на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tronina_tat-yana/obmanschik-obmanschica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)